

UNITED WISDOM

Священное и повседневное: как возникает особое значение места и вещи

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W49 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Священное и повседневное: как возникает особое значение места и вещи

Эпиграф

> *«Место, на котором ты стоишь, — святая земля».*

Исход, 3:5. Собственный перевод заключительной части стиха по King James Version: текст.

О чём эта статья

В одном доме старую чашку спокойно заменят новой. В другом её трещина станет частью семейной памяти, а попытка выбросить вещь — серьёзным событием. Тот же холм бывает маршрутом прогулки, местом погребения или святыней. Особое значение не всегда видно посетителю и не сводится к цене, красоте или редкости предмета. Оно проявляется в обращении: здесь снимают обувь, сохраняют тишину, не фотографируют, не торгуют или возвращаются в определённый день. Религиозное священное и личная значимость могут иметь похожие внешние формы, но это не делает их одним явлением. Статья исследует, как значение связывает вещь, память, веру и общину, почему объяснение возникновения не решает вопрос религиозной истинности и где уважение к святыне сталкивается со свободой человека. Практический вопрос прост: как заметить чужое важное, не присваивая себе право его обесценить и не принимая молча любые требования, предъявленные от его имени.

I. Особое значение обнаруживается в изменении обращения

Вещь становится особой для человека, когда с ней перестают обращаться как с любой заменимой вещью того же типа. Это может означать религиозное почитание, личную привязанность или культурную память; сначала нужно выяснить, какой именно смысл действует. Различие проявляется не только в словах. Предмет хранят иначе, передают иначе, защищают от обычного употребления. Иногда правила известны всем, иногда их замечают только после нарушения.

Представим условную сцену: новый участник семьи берет старую чашку для краски во время ремонта. По хозяйственным меркам выбор разумен — чашка давно не используется для питья. По семейным меркам это уничтожение памяти. Ошибка

возникла не потому, что один человек чувствует правильно, а другой лишён чувств. Они действовали в разных системах значения, причём правило не было проговорено. Ремонт показывает, что важное не всегда можно узнать по полезности и внешнему состоянию.

У религиозной святыни основание иное. В рассказе Исхода, 3:1–12, изменение обращения связано с божественным явлением и поручением Моисею. Снятие обуви не выступает общим психологическим приёмом придания значимости пространству. Оно принадлежит сюжету веры. Читатель может исследовать структуру отношения, не объявляя религиозное утверждение физически измеренным и не сводя его к бытовой привычке.

Важно также не принимать почтение за единственный признак. Некоторые значимые вещи используют каждый день. Книгу открывают, стол накрывают, инструмент берут в работу. Особый статус может выражаться в заботе об использовании, а не в запрете касаться. Поэтому вопрос «что здесь делают иначе?» обычно точнее, чем вопрос «почему это нельзя трогать?». Он оставляет место различным формам значимости и помогает избежать готовой схемы ещё до знакомства с людьми.

II. Социологическое объяснение не исчерпывает веру

Один из известных способов исследовать сакральное связан с Эмилем Дюркгеймом. В книге I, главе I «Элементарных форм религиозной жизни» он рассматривает разделение сакрального и профанного и правила, охраняющие особое обращение. Его определение подчёркивает общину, верования и практики. Это влиятельная аналитическая рамка с собственными исходными предположениями, а не бесспорный ответ на вопрос о сущности каждой религии.

Социолог может исследовать, кто поддерживает правило, как его передают и какие отношения оно создаёт. Верующий может одновременно говорить, что святыня значима вследствие отношения к Богу. Эти ответы относятся к разным вопросам. Описание общественного поддержания не доказывает, что религиозный предмет существует только как соглашение. С другой стороны, ссылка на божественное основание не отменяет изучения человеческих действий, институтов и последствий. Уровни могут сосуществовать без слияния.

Представим условную архитектурную реставрацию. Инженер обсуждает устойчивость стены, историк — датировку, представитель общины — порядок работы у святыни. Ни один разговор не заменяет остальные. Религиозная важность не сообщает прочность кладки; физическая прочность не объясняет, почему некоторые действия недопустимы. Согласование становится возможным, когда участники не требуют от одной дисциплины выполнить работу всех остальных. Различие знаний помогает сохранить и здание, и отношения.

Поэтому выражение «люди сами придали этому значение» требует осторожности. Оно может обозначать наблюдаемую историю признания, но часто несёт скрытый вывод: значит, ценность ненастоящая. Из первого второе не следует. Язык, обещание, закон и память тоже существуют в человеческих отношениях, однако имеют реальные последствия. Вопрос не в том, найдено ли значение в химическом анализе вещи. Вопрос в основаниях, формах и пределах обращения, которые с ним связаны. Религиозную истинность при этом не объявляют решённой ни в одну сторону.

III. Память делает предмет незаменимым

Памятная вещь ценна своей связью с определённой жизнью, а не только свойствами. Купленная новая чашка может быть прочнее и удобнее, но не заменяет чашку, которой пользовался близкий человек. При этом память не находится внутри фарфора как отдельное вещество. Её поддерживают рассказ, узнавание, повторение и личное отношение. Физическая вещь даёт этим отношениям место, к которому можно вернуться.

В условном доме коробка писем занимает больше места, чем цифровая копия. Один родственник хочет освободить шкаф, другой воспринимает предложение как исчезновение части семьи. Оба могут заботиться об общем доме. Их спор станет точнее, если различить содержание писем, значение оригинала, право доступа и предел хранения. Иногда копия сохраняет основное, иногда следы руки и бумага важны сами по себе. Универсального решения заранее нет.

Особая ценность не обязана означать бесконечное накопление. Человек может сохранить один предмет и отказаться от остальных, передать архив учреждению, записать историю вещи или оставить её в употреблении. Эти варианты не определяют глубину любви. Опасно измерять отношение к умершему размером кладовки или требовать от другого человека одинакового способа памяти. При значимом решении полезнее выяснить, что именно участник боится потерять: сведения, связь, возможность вернуться, семейное признание.

Так возникает важная граница между ценностью и обязательством. Если вещь дорога одному человеку, это даёт основание обсуждать бережное обращение. Но само чувство не устанавливает автоматически бессрочную обязанность другого хранить её у себя. Нужна договорённость о месте, сроке и доступе. Такая конкретность может казаться слишком хозяйственной рядом с памятью. Однако она часто защищает память лучше, чем молчаливое требование, которое копит раздражение и в итоге разрушает отношения вместе с предметом.

IV. Ритуал может оживлять внимание и может его заменять

Повторяемая форма помогает выражать то, что трудно каждый раз создавать заново. Приветствие, поминальный день, совместная трапеза и религиозный обряд дают участникам порядок действий. Но наличие формы ещё не гарантирует внутреннего участия. Это различие появляется внутри самих традиций, поэтому критика пустого ритуала не обязательно приходит извне и не всегда требует отказа от ритуала.

В «Лунь юе», 3.3–3.4, в переводе Джеймса Легга, Конфуций связывает обряд с человеческой добродетелью и предпочитает подлинность переживания одной внешней изысканности. Краткий фрагмент не позволяет описать весь конфуцианский взгляд, но показывает: обсуждение формы включает вопрос о качестве участия. Ритуальная корректность и смысл не просто противопоставлены; их отношение требует внимания.

Современная авторская аналогия — семейное поздравление, которое стало обязательным отчётом. Люди соблюдают дату, отправляют сообщения и при этом боятся, что формулировка будет признана недостаточно тёплой. Жест, предназначенный поддержать связь, превращается в проверку. Можно сохранить праздник, изменив порядок: заранее обсудить предпочтения, отказаться от публичности, отделить подарок от соревнования. Смысл ритуала не требует неизменности каждой детали, если детали начали работать против отношений.

Однако объявить любую повторяемую форму неискренней тоже было бы ошибкой. Когда человек устал, знакомый порядок может помочь присутствовать, не изобретая особое состояние. Вежливое действие не всегда ложь, а спонтанность не всегда честность. Проверка состоит в том, оставляет ли форма место человеку и своему назначению. Может ли участник уточнить правило, объяснить невозможность или предложить иной жест? Есть ли разница между невниманием и ограниченными силами? Живой ритуал способен удержать эту разницу, не отказываясь от общего порядка.

Изменение формы бывает частью сохранения. Старую книгу переплетают, ткань укрепляют, место ограждают от повреждения. После работы предмет выглядит иначе, но возможность обращаться к нему продолжается. Иногда община считает определённое изменение неприемлемым; иногда именно оно позволяет сохранить важное. Заранее решать по одному слову «реставрация» нельзя. Требуются назначение, знание материала и понимание того, какие признаки имеют особый смысл для участников. Физическая сохранность и сохранность отношения могут совпадать или вступать в напряжение.

Условная семья хочет восстановить старое письмо. Один участник просит очистить пятна, другой считает их частью истории. Спор можно разложить на действия: сделать

читаемую копию, сохранить оригинал без обработки, получить консультацию о состоянии бумаги. Так появляются варианты, которых не было в споре между «оставить всё» и «сделать красиво». Забота становится точнее, когда участники понимают необратимость вмешательства. Эстетический идеал не обязан определять судьбу памяти, а уважение к следам времени не требует игнорировать реальную угрозу разрушения. Решение получает опору в конкретной задаче, а не в соревновании чувств.

V. Священное время прерывает обычную меру полезности

Особое значение относится не только к месту и предмету, но и ко времени. День может быть выделен для богослужения, памяти или общего отдыха. Он ограничивает некоторые действия и делает возможными другие. Так повседневный расчёт встречается с вопросом: чему мы не хотим отдавать каждую доступную минуту? Ответ бывает религиозным, культурным или личным, и эти основания следует различать.

В Евангелии от Марка, 2:23–28, спор о субботе включает знаменитое отношение между установлением и человеком. Это эпизод христианского текста с утверждением о Сыне Человеческом; он не сводится к современному совету о выходных. Для сравнения полезно более узкое различение: правило обсуждается через его назначение, а не только через факт существования. Конкретное религиозное значение сохраняется отдельно.

Условная повседневная сцена: семья договаривается проводить один вечер без рабочих сообщений. Первоначально это создаёт время встречи. Затем запрет начинают применять даже тогда, когда одному участнику нужен срочный ответ по реальному обязательству. Другой чувствует, что важное для него снова отложили. Разговор становится плодотворным, если различить обычные прерывания, исключения и способ их обсуждения. Назначение правила не исчезает из-за возможности исключения, а исключение не обязано превращаться в постоянный обход.

Особое время позволяет также заметить разницу между отдыхом и почитанием. Для одного день свободен от труда, для другого наполнен обязательным участием в обряде. При совместной жизни это различие лучше назвать прямо. Не каждый, кто занят в праздник, пренебрегает им; не каждый, кто отдыхает, переживает религиозную ценность. Общий календарь способен соединять разные значения, когда не требует одинакового внутреннего состояния и когда реальные обязанности распределены справедливо, а не переложены на тех, чьё участие незаметно.

VI. Уважение не требует притворяться верующим

Посещение чужой святыни ставит вопрос о действиях раньше вопроса об убеждениях. Можно соблюдать понятный порядок, не утверждая того, во что не веришь. Снять обувь, говорить тише или спросить о фотографии — формы уважительного участия. Но граница между гостевым поведением и исповеданием должна быть ясна. Иначе человеку предлагают роль, на которую он не соглашался, а отказ ошибочно читают как презрение.

Представим условную экскурсию. Посетитель готов находиться в тишине, но не хочет произносить молитву. Ведущий может объяснить, какие действия требуются для доступа, а какие остаются добровольными. Если пространство предполагает только религиозное участие, это тоже можно сказать заранее. Проблема возникает, когда правило раскрывают после входа или когда уважение измеряется готовностью скрыть собственное убеждение. Понятная граница полезна хозяину и гостю одновременно.

Есть и обратная обязанность: сомнение не даёт права обращаться с чужим важным как с материалом для эффектного разоблачения. Если человек не разделяет религиозный смысл, он всё ещё может понять историю и последствия действия. Повреждение реликвии или демонстративное нарушение обряда нельзя оправдать тем, что сверхъестественное свойство не доказано. Несогласие с утверждением и разрушение человеческого отношения — различные поступки, требующие разных оснований.

Светская повседневность предлагает сходные задачи. На мемориале, в архиве, в чужом доме тоже действуют условия доступа. Это не делает каждое правило священным и неприкосновенным. Правила можно обсуждать по их назначению, прозрачности и цене. Но обсуждать лучше до действия, которое невозможно обратить. Уважение становится практикой, когда оно выражается в уточнении, разрешении и бережности, а не только в требовании правильных слов. Оно позволяет оставаться честным относительно своих убеждений, сохраняя достоинство другого человека.

VII. Кто вправе определять особое значение

Сакральный или памятный статус не устраняет вопрос о власти. Кто устанавливает правила, кто получает доступ и кто несёт последствия? Внутри общины ответы могут различаться; внешний наблюдатель не должен считать одного громкого представителя голосом всех. Иногда решение связано с признанной ролью, иногда — с неформальным влиянием, иногда — с конфликтом, который ещё не разрешён. Понимание требует видеть эти различия.

В условном коллективе архив основателя объявлен неприкосновенным. Это может защищать подлинные документы от утраты. Но тот же статус способен мешать

исследованию ошибки, если любое уточнение принимается за оскорбление памяти. Бережность к архиву и право прочитать неприятное свидетельство не обязательно противоречат друг другу. Можно сохранить оригинал, проверить контекст и обсуждать выводы отдельно от физического обращения с документом. Почитание не должно автоматически подменять историческую проверку.

Особая ценность также может использоваться как исключение из обычной ответственности. Человеку говорят, что ради традиции он обязан терпеть унижение, отказаться от голоса или принять непрозрачное распоряжение ресурсами. Чтобы оценить требование, недостаточно решить, прекрасна ли традиция в целом. Нужно назвать конкретное действие, его основание и последствие. Уважительное отношение к вере не превращает каждую человеческую интерпретацию в безусловный приказ.

При этом внешняя критика тоже способна присвоить власть. Посетитель объявляет местное значение неразумным и предлагает «освободить» людей от того, чего они не просили менять. Так исследование превращается в управление чужой жизнью. Более точная позиция начинается с вопросов и свидетельств, различает добровольное участие и принуждение, оставляет место внутреннему разногласию. Защита человека и внимание к контексту должны работать вместе. Иначе либо святыня закрывает любую проверку, либо проверка становится предлогом не слушать тех, чью жизнь она затрагивает.

Особое место может принадлежать нескольким историям одновременно. Один участник видит религиозную святыню, другой — семейное погребение, третий — общественный маршрут. Такой конфликт нельзя разрешить утверждением, что место имеет только одно «настоящее» значение. Но множественность не отменяет конкретных правил и прав. Нужно выяснить фактический порядок доступа, предмет спора и возможность согласовать разные формы присутствия. Воображаемый разговор не заменяет юридическую или историческую проверку там, где она необходима; он только показывает, какие вопросы предстоит исследовать.

В повседневном масштабе сходная задача возникает с общим столом. Для одного это рабочая поверхность, для другого — место семейной встречи. Если каждый действует по собственному смыслу без объяснения, конфликт кажется личным неуважением. Иногда поможет расписание, отдельное место для документов или ясное правило перед общей трапезой. Эти хозяйственные меры не принижают ценность встречи. Они дают ей устойчивую форму, которую другие способны соблюдать. Совместность становится возможной через понятный порядок, а не через требование угадать чужую глубину и чувствовать её одинаково.

VIII. Духовная глубина не измеряется редкостью места

Путешествие к особому месту может быть содержательным опытом, но его цена и расстояние не измеряют глубину. Обычный стол, прогулка и рабочий инструмент способны стать местом внимания без нового религиозного статуса. Когда всё ценное переносится в далёкую святыню, повседневность легко оказывается пространством ожидания. Человек живёт между исключительными поездками и не замечает отношения, которые поддерживают его сейчас.

В «Дхаммападе», 264–272, перевод Макса Мюллера, внешние признаки религиозной роли не принимаются за достаточное свидетельство её содержания. Буддийский текст говорит о конкретном пути и освобождении; он не предлагает общую теорию туристического опыта. Но позволяет поставить близкий вопрос: что реально меняется в обращении и поступках, кроме формы? Сравнение не требует объявлять буддийскую цель одинаковой с любой светской практикой.

Условный человек возвращается из путешествия и говорит, что наконец почувствовал важность тишины. Это может быть подлинным переживанием. Его продолжение не обязано выглядеть как ещё одна поездка. Возможно, он захочет оставить время без сообщений, внимательнее слушать близкого или перестать включать шум по привычке. Эти действия не доказывают духовное достижение, но показывают, как переживание входит в жизнь. Если продолжения нет, опыт всё ещё может оставаться значимым воспоминанием; его не надо объявлять неудачей.

Обычное тоже нельзя романтизировать. Тяжёлый труд, стеснённость или бесконечные обязанности не становятся благом только потому, что происходят каждый день. Умение замечать значение не заменяет изменение неудобных условий. Иногда забота о повседневном означает отремонтировать, облегчить, отказаться или уйти. Особое отношение сохраняет свободу выбирать форму. Оно помогает увидеть, что заслуживает внимания, не требуя превратить каждую трудность в испытание, которое человек якобы обязан полюбить.

IX. Превращение в товар меняет отношения, но не всегда уничтожает смысл

Коммерческое обращение способно изменить значение места или вещи. Когда реликвию предлагают прежде всего как редкий товар, отношения памяти становятся частью цены. Однако сама продажа не всегда означает обесценивание. Издание книги, музейный билет и работа реставратора тоже требуют ресурсов. Точный вопрос касается того, что продают, какие обещания делают и кто участвует в решении о форме доступа.

Представим условный магазин, предлагающий предмет как гарантию внутреннего очищения. Здесь религиозный или символический смысл превращён в обещание результата, которое требует отдельной опоры. Можно уважать используемый образ и не принимать коммерческую гарантию. С другой стороны, продажа обычного изображения памятного места без такого обещания имеет иной смысл. Одинаковый мотив на двух товарах не делает одинаковыми требования к доказательству.

Для общины важна и степень управления. Кто определяет, что можно снимать, тиражировать и распространять? Может ли торговля поддерживать место, а может ли изменить его назначение до неузнаваемости? Эти вопросы нельзя решить одним внешним впечатлением посетителя. Нужны реальные условия, голос участников и различение краткого удобства и долгого последствия. Иногда платный доступ сохраняет пространство, иногда закрывает его тем, для кого оно было важным. Оценка зависит от устройства, а не от магического свойства цены.

Личный предмет также может перейти к другому человеку и сохранить значение по-новому. Семья передаёт письма архиву, мастер продаёт любимый инструмент ученику, дом становится общественным местом. Передача требует рассказа и условий, но не обязательно представляет потерю. Вещь меняет круг отношений. Можно оплакать изменение и одновременно признать разумность решения. Внимательное отношение к ценности допускает движение, если участники понимают, что именно сохраняют, что отпускают и какие обещания действительно готовы выполнить.

X. Особое значение становится яснее в диалоге с обычным

Священное и повседневное не всегда образуют два герметичных мира. Особое время возвращает человека к обычным делам, святыня требует ухода, памятная вещь занимает место в доме. Даже строгое отделение осуществляется человеческими действиями: дверью, календарём, правилом, объяснением. Поэтому отношение между сферами можно увидеть в переходах — что меняется при входе и выходе, что участник уносит с собой, что оставляет.

Такой взгляд избегает двух крайностей. Первая объявляет всё особенное суеверием и видит лишь материал. Вторая переносит особый статус на любое требование, которое произнесено рядом со святыней. Между ними есть конкретное исследование смысла: чьё отношение поддерживается, на каком основании, какими действиями и с какой границей? Оно не обещает решить все богословские вопросы. Оно позволяет вести честный разговор о совместной жизни, когда убеждения различаются.

Вернёмся к чашке во время ремонта. Теперь важны не только трещина и хозяйственная польза. Можно спросить о её истории, месте хранения и возможности использовать

другую ёмкость. Если прежнюю вещь сохранить нельзя, решение требует разговора, а не тайного выбрасывания или бессрочного запрета обсуждать пространство дома. Память становится участником договорённости, а не оружием. И новый участник семьи получает возможность беречь то, чего раньше не знал.

Значение места и вещи не обязано быть одинаковым для всех, чтобы быть реальным в человеческой жизни. Вера, история и личное чувство могут создавать разные основания заботы. Взрослое отношение сохраняет эти различия, не требует притворного единства и не делает каждую границу вечной. Особое помогает замечать ценность обычного; обычное проверяет, остаётся ли особое связано с людьми. Этот обмен делает бережность содержательной: она защищает важное и одновременно оставляет человеку пространство для честного выбора.

Что это значит на практике

Выберите одну вещь или место, которое имеет для вас особое значение. Назовите основание: религиозное отношение, память, принадлежность, история, эстетическая ценность или сочетание нескольких слоёв. Затем опишите действия, через которые это значение выражается. Не ограничивайтесь словом «уважение»: где предмет хранится, кто может его брать, допустима ли фотография, что случится при повреждении? Такая конкретность помогает другому понять правило до ошибки.

Если предмет важен нескольким людям, выясните различия. Один хочет сохранить оригинал, другой — возможность прочитать, третий — доступное место в доме. Согласуйте небольшое решение: копию, отдельную коробку, расписание ухода или передачу тому, кто готов отвечать за хранение. Не превращайте различие способов памяти в соревнование по любви. Значимость не отменяет реальных ресурсов и согласия участников.

В чужом пространстве сначала спросите о порядке. Можно честно обозначить, что вы готовы соблюдать правила гостя, но не участвуете в исповедании. Если действие необратимо — публикация изображения, изменение вещи, удаление документа, — полезно получить ясное разрешение. Незнание сверхъестественных свойств ничего не сообщает о последствиях для людей. При этом не нужно принимать непрозрачное требование только потому, что рядом звучит слово «священное»; его можно уточнить по назначению и цене.

Наконец, проверьте, есть ли место для пересмотра. Что действительно стоит сохранить, а какую форму можно изменить? Иногда забота означает оставить вещь в использовании. Иногда — убрать её из общего пространства, сохранив историю. Иногда — отказаться от прежнего ритуала, который стал принуждением. Цель не в максимальном количестве

неприкосновенных предметов. Она в ясном и бережном обращении с ценностью, которое удерживает связь с живыми людьми и не требует от них исчезнуть внутри правил.

Ключевая цитата

> *«Если человеку недостаёт человеческой добродетели, какое отношение он имеет к обрядам?»*

Конфуций, «Лунь юй», 3.3. Собственный перевод первой фразы по Джеймсу Леггу: текст. Термин ren передан здесь как «человеческая добродетель»; это не оценка личности читателя.

Связи между традициями

Сопоставление	Сходство	Граница
Исход, 3:5 ↔ Дюркгейм, I.I	Особый статус сопровождается изменением обращения.	Божественное явление в тексте веры и социологическое определение отвечают на разные вопросы.
«Лунь юй», 3.3–3.4 ↔ семейный ритуал	Форма обсуждается через качество участия.	Семейная аналогия не воспроизводит всю конфуцианскую этику.
Марк, 2:23–28 ↔ договорённость об особом времени	Назначение правила нельзя потерять за исполнением.	Христианское утверждение не сводится к светскому расписанию отдыха.
«Дхаммапада», 264–272 ↔ посещение памятного места	Внешняя форма не достаточна для содержательного результата.	Буддийское освобождение и личное путешествие имеют разные цели.
Религиозная святыня ↔ личная реликвия	Обе могут требовать бережности и объяснённого доступа.	Личная привязанность не автоматически создаёт религиозный статус или общую обязанность.

Первоисточники и исследования

1. Исход, 3:1–12, King James Version. Сюжет явления и изменение обращения с местом.

2. Эмиль Дюркгейм. «Элементарные формы религиозной жизни», книга I, глава I, перевод Джозефа Уорда Суэйна. Аналитическое различение сакрального и профанного; рамка не объявлена всеобщей окончательной теорией.

3. Конфуций. «Лунь юй», 3.3–3.4, перевод Джеймса Легга. Отношение обряда, добродетели и подлинности переживания.

4. Евангелие от Марка, 2:23–28, King James Version. Спор о субботе в религиозном контексте.

5. «Дхаммапада», 264–272, перевод Макса Мюллера. Ограничение вывода о внутреннем содержании по внешним признакам.

Теги

священное, повседневное, сакральное, профанное, место, вещь, значение, память, реликвия, святыня, ритуал, община, религия, вера, Исход, Дюркгейм, Конфуций, Лунь юй, суббота, Марк, Дхаммапада, уважение, согласие, доступ, границы, забота, традиция, архив, интерпретация, человеческое достоинство

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.